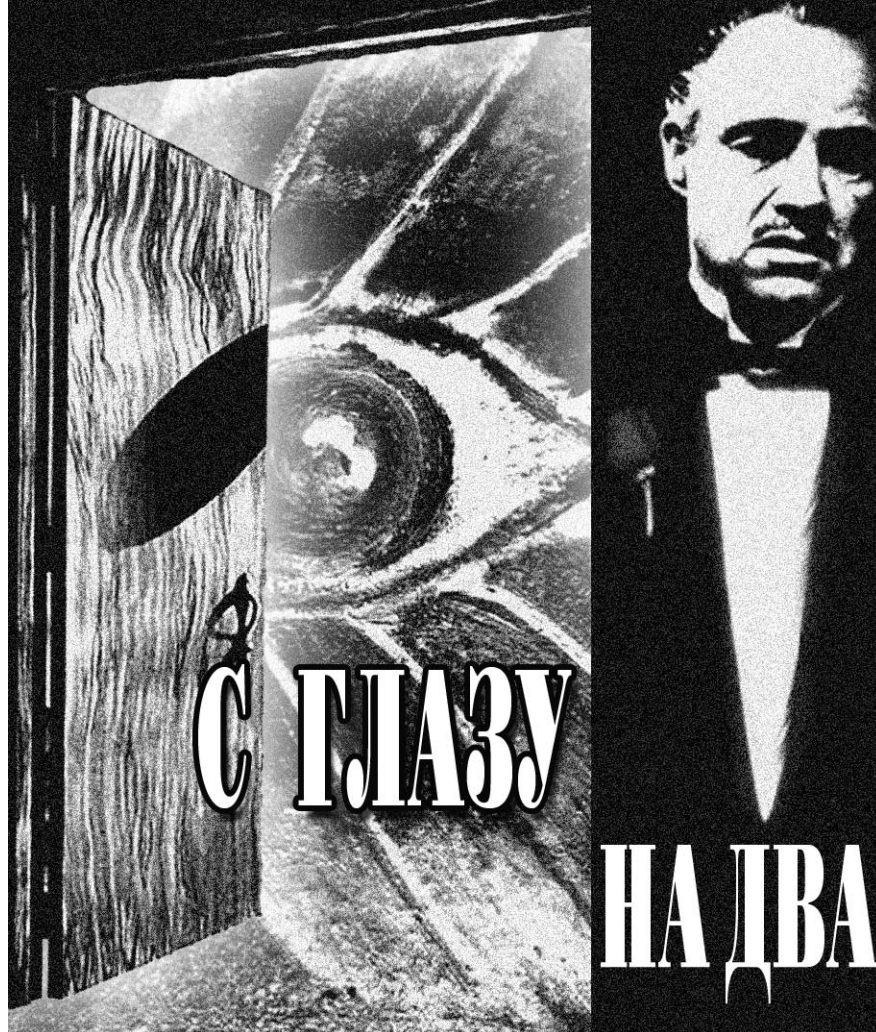

Ульрих ШТРИЕВСКИ

Германия

Перевод с немецкого Татьяны Даненковой

Телефонный звонок, поставивший под вопрос все, что Курт Шниртц сделал в своей жизни, раздался около восьми.

К этому моменту времени Курт Шниртц еще стоял у входа в свой офис. У него имелись две маленькие слабости, которые он любил и которым он крошечным образом, по его собственному выражению, радовался по утрам незадолго до восьми. Одной из слабостей были две латунные таблички сбоку от входной двери.

На большей по размеру табличке было выгравировано:

**НЕДВИЖИМОСТЬ –
ШНИРТЦ**

На другой читался его рекламный текст, используемый им также в газетных объявлениях:

**КОНСУЛЬТАЦИЯ
БЕСПЛАТНО
ЗАХОДИТЕ ЖЕ**

Кончиками пальцев он провел по табличкам. Они блестели.

Затем он вошел в здание и совершил обход служебных помещений, кому-то из сотрудников пожимая руку, кому-то кивая головой. Без двух минут восемь он стоял перед дверью, что вела в приемную кабинета директора. Он посмотрел через стеклянную вставку двери и зафиксировал взглядом затылок и зад секретарши. То была его другая слабость.

Когда она положила телефонную трубку, он вошел. Было ровно восемь.

– Доброе утро, фройляйн Вульпиус!

– Герр Шниртц! – Она подняла взгляд. – Как раз только что...

– Да, Вульпиус?

– Только что кто-то звонил...

– Да уж не по поводу ли бесплатной консультации? Или звонивший зайдет? – выговаривал он, пребывая в хорошем расположении духа. Он любил непринужденно поболтать и пошутить с фройляйн Вульпиус.

– Звонивший...

– Да Вы, однако, совершенно сбиты с толку, Вульпиус... – Он заглянул в вырез ее платья. – Что-нибудь неприличное?

— Звонивший хотел бы поговорить с Вами с глазу на два.

Курт Шниртц заметно вздрогнул.

— Как Вы сказали?

— С глазу на два — он так сказал.

Маленькие капли пота выступили у него на лбу.

— И в чем дело?

— Он сказал, Вы якобы в курсе...

— Что еще?

— Голос...

— Да?

— Кто-то нетрезвый, — подумала я сперва. — И все же голос не был пьяным.

— А каким?

— Не сказать также, что говорили измененным голосом, скорее со своеобразным акцентом. Похоже на русский.

Он с трудом овладел собой.

— Всего лишь дурацкая шутка. Больше ничего.

— Пожалуйста, герр Шниртц, — она казалась озабоченной, — Вам следовало бы...

— Вы знаете, Вульпиус... — Его взгляд блуждал от выреза ее платья к своим собственным рукам. — Мы были вместе в России.

— Вы знаете звонившего?

— Немного. Совсем немного. С войны. И со школы.

— Но он не назвал своего имени...

Он не слышал, о чем она говорила еще. Он уставился на свои руки. Руки вспотели, а то, что он увидел, очень расстроило его.

* * *

Гимназия. В коричневой рубашке и с повязкой со свастикой. С тех пор прошло полжизни.

— Бернд Зоммер должен быть исключен из школы, штудиенрат!^{*}

— Из-за дурацкой шутки? Однако, мой дорогой Шниртц!

— Фенляйнфюрер Шниртц, разрешите попросить! Также для Вас, штудиенрат, с сегодняшнего дня это означает: фенляйнфюрер Шниртц.

^{*} Штудиенрат — звание учителя полной средней школы в ФРГ.

— Так точно, фенляйнфюрер Шниртц!

— Интересно, штудиенрат, оскорбление фюрера — всего лишь дурацкая шутка?

— Но Бернд Зоммер...

— ...помимо того дружит с девушкой. Имя: Лиза Розенберг. Отец девушки нечист, понятно Вам?

— Я отдам все необходимые распоряжения, фенляйнфюрер Шниртц!

— Ничего другого я и не ожидал. Хайль Гитлер!

— Хайль Гитлер, фенляйнфюрер Шниртц!

* * *

— Герр Шниртц, Вам плохо?

Он отвел взгляд от своих рук и снова посмотрел на вырез ее платья.

— Нет, нет.

— Вы совсем бледный... Сделать Вам кофе?

— Все нормально, Вульпиус.

— А что Ваш бывший школьный друг и соратник хотел этим сказать — разговор с глазу на два?

— Дурацкая шутка — как в школе. Больше ничего.

Он опять взял себя в руки.

— Он, впрочем, не был мне ни другом, ни товарищем. Так, мимолетное знакомство. Однако смелое — для тогдашней обстановки. И ни разу не обходилось без шуток. Знаете, что он говорил всегда в школе и на фронте?

— Нет...

— С фюрером, так он шутил тогда, он с удовольствием поговорил бы с глазу на два, так как фюрер был ведь на один глаз... Ну, Вы же знаете, Вульпиус.

— А Вы, герр Шниртц, Вы ведь не слепы на один глаз, или?

Она разгладила красными лакированными ногтями подол юбки и кокетливо ему улыбнулась.

— Вряд ли, — произнес он. — Просил он передать что-нибудь еще?

— Только то, что он с Вами с глазу...

— Когда он придет?

— Вы должны прийти. Отель «Симоне», комната номер семь. Сегодня ночью, в начале первого — так он сказал. Тоже шутка?

— Тоже шутка.

Он прошел в свой кабинет. Этот телефонный звонок мог бы оказаться шуткой. Но тут было не до шуток.

* * *

Тогда, на фронте, была эта деревня в степи под Сталинградом. Как-то она еще называлась? Алексеевка.

— Повторите в присутствии свидетелей то, что Вы только что сказали, ефрейтор Зоммер!

— Ты же не глухой, Курт.

— Лейтенант Шниртц, разрешите попросить! Также для Вас, ефрейтор Зоммер: лейтенант Шниртц. Итак?

— Значит, так, лейтенант Шниртц, я говорил и все время буду говорить: если мне когда-нибудь придется встретиться с твоим любимым фюрером, то я скажу ему: герр, рассматривайте наш разговор как разговор с глазу на два! Записали, лейтенант Шниртц?

— Оскорбление фюрера — как и в школе.

— Уж больно ты заносишься со своим одноглазым фюрером — как и в школе.

— Ефрейтор Зоммер, это будет иметь последствия!

— Как и в школе, Куртхен?..

* * *

А потом, как-то ночью. Над Алексеевкой висел большой фонарь. То была луна.

— Не нравится мне затишье, ефрейтор Зоммер.

— Мне оно нравится, Курт.

— Затишье на войне всегда что-нибудь скрывает. Нам нужно копнуть глубже...

— Все еще настолько слепы?

— Ефрейтор Зоммер, Вы перейдете вражескую линию и узнаете, что затевает иван.

— Завтра у меня начинается отпуск на родину, Курт.

— Подождет.

— Ты знаешь, что мы с Лизой...

— Успеется. Слишком устал от войны, ефрейтор Зоммер?

— Ты так и не осознаешь никогда бессмысленности этой войны!

— Хватит! Это приказ!

— Команда смертников.

— Всего лишь маленькая разведгруппа. Больше ничего.

— Изощренный способ смертной казни под этой луной.

— Ефрейтор Зоммер, я мог бы позволить привлечь Вас к военно-полевому суду за неподчинение приказу и трусость перед врагом!

— Слушай, Курт: если мне не суждено вернуться из этой разведки, то расскажи Лизе, почему. Если ты после этого еще сможешь смотреть ей в глаза.

— Ефрейтор Зоммер — смирно!

— Лизу не трогай! И оставь в покое ее отца!

— Ефрейтор Зоммер — смирно!

— А если мне все же суждено вернуться, Куртхен, когда-нибудь...

Было начало первого. И над Алексеевкой висел большой фонарь.

* * *

В середине дня Курт Шниртц покинул свой кабинет. Он не видел ни соблазнительного затылка фройляйн Вульпиус, ни ее полуоткрытых губ. Он прошел мимо обеих латунных табличек, не прикоснувшись к ним. Приехав в городское кафе, выпил там пять двойных виски.

* * *

Поздно вечером Бернд Зоммер в отеле «Симоне» укрепил на потолке своего номера фотолампу. Шнур с кнопочным выключателем протянул в угловую нишу. Затем вывернул лампочку из потолочного плафона и надел солнцезащитные очки. Он выключил настольную лампу и замер в ожидании на стуле в угловой нише.

* * *

Курт Шниртц не притронулся к еде. Он поглядывал то на свои ногти, то на наручные часы.

— Чем-то был расстроен? — спросила Лиза.

— Нет.

— Плохая новость?

Он поднял голову.

— Как ты догадалась?

— Ты бледно выглядишь. Лицо у тебя мертвенно-бледное...

Он молчал.

— Холодный пот на лбу. У тебя дрожат руки, Курт...

— Ты же опять пьяная!

— Как будто ты увидел призрака... Ты видел призрака, Курт?

— Оставь меня в покое!

— Да, ты его видел. Ты видел его призрак...

Он проследил, как она, слегка пошатываясь, прошла в свою спальню. Она закрыла за собой дверь на ключ. Он с отвращением отодвинул тарелку от себя.

Она так и не могла забыть другого, ни во время войны, ни после, хотя прошло уже много лет. Последние письма от него она постоянно носила при себе в вырезе своего платья. Всякий раз, когда он хотел к ней приблизиться, наткнулся на эти письма. Мертвый — хотела она таким образом дать ему понять — не умер, пока о нем думают или вспоминают его. Первое время, по окончании войны и в пору его студенчества, он страдал от этого. Позднее, когда он окончательно твердо стал на ноги и продвигал свое дело, это доводило его до бешенства. А когда предприятие его процветало, когда он к тому же был замечен в обществе и выбран в городской совет, когда они уже давно были женаты, это его все еще задевало.

О, тогда он смог не только посмотреть ей в глаза, он сделал ей даже предложение вступить в брак. И однажды она его приняла. Однако он никогда не мог избавиться от впечатления, что письма в вырезе платья и даже брак с ним она использовала только для того, чтобы постоянно обижать и унижать его. Чтобы наказать его за то, чего она никак знать не могла, но чутьем догадывалась о случившемся. Он никогда не обладал ею всецело. Она никогда не отдавалась ему целиком, она сносила его — не более.

Он снова четко осознал, насколько их брак основывался на лжи. Лжи по отношению к государству и церкви, лжи по отношению к нему. Ее всегда устраивало, что он связывался с

бабами, обхаживал секретарш — таким образом она была оставлена им в покое. После свадьбы, когда он хотел детей, она сказала:

— Не от тебя!

Он попытался было еще несколько раз, и каждый раз она говорила:

— Не от тебя!

Любовников у нее все это время не было, лишь письма в вырезе платья, а позднее алкоголь. Но всегда эти письма, письма мертвого.

Он забарабанил пальцами по столешнице. Теперь он вдруг был здесь. Бернд Зоммер. Воскрес из мертвых. Вернулся на родину. Ну ладно, он был жив. Но что ему было нужно? И почему он приехал только сейчас, через сорок с лишним лет? Где он пропадал все это время?

Он попытался систематизировать свои мысли. Приехал он по делу, связанному с Алексеевкой? Даже если так. Пустяк, который никого больше не интересует. Ведь не вина лейтенанта, если ефрейтор, бездарь к тому же, дает ивану сцапать себя. Приехал он ради Лизы, по прошествии столь длительного времени? Пожалуйста. Больше ничего против. Может быть, ему нужны были деньги? Насчет этого тоже стоило бы поговорить. Не нелюди, в конце концов. Или он приехал по делу Лизиного отца?

Курт Шниртц уставился на запертую дверь спальни. Картины воспоминаний никак не отпускали от себя.

* * *

Радость по поводу отпуска на родину. Железный крест фюрера. На его груди.

— Лиза! Ты красива, как никогда!

— Где Бернд?

— Лиза, я...

— Что с Берндом? Говори!

— Я не знаю.

— Но вы же все время были вместе!

— Были, Лиза, были.

— Что это значит?

— Лиза, на войне...

— Что вы сделали с Берндом?

— Ничего, я не знаю ничего.

— Ты врешь!

— Мы потеряли друг друга из виду.

– Ну не может ведь человек просто исчезнуть с лица земли!

– Да нет. На фронте такое случается.

– Мы же с Берндом хотели пожениться!

– Не плачь, Лиза! А за твоего отца я...

– Молчи! Молчи! Молчи! Отца они уже убили!

* * *

А потом, как-то утром. Телеграмма у нее в руке. Телеграмма во время войны.

«За Фюрера и Великую Германию...»

«Герой Сталинграда, Лиза».

«...примерно, храбро и самоотверженно...»

«Геройская смерть в России, Лиза».

«...до последнего дыхания...»

«Лизе – в тихой скорби».

«Я вам не верю! Я вам не верю! Я вам не верю!»

Вслед за телеграммой по полевой почте пришли письма, написанные Берндом Зоммером ранее того, что с ним произошло, и которые она потом, храня в вырезе платья как реликвию, всегда носила при себе.

* * *

Отель «Симоне» находился в привокзальном квартале. Курт Шниртц был пунктуален. Он был пунктуален всю свою жизнь.

Он долго раздумывал, следует ли ему туда ехать. Нет, не то чтобы он испугался пойти навстречу Бернду Зоммеру или испытывал бы угрызения совести от того, что придется посмотреть ему в глаза. Просто некое смутное чувство подсказывало ему, что ничего хорошего из всего этого не выйдет. Ни к чему все. Прошлые, говорил он себе всегда, должно оставаться, если угодно, тем, чем оно и есть: прошедшим. Никаких сентиментальностей, говорил он себе, этого нам только не хватает! С другой стороны, ему надо было знать, что затеял этот человек. Надо было знать, вел ли он телефонные разговоры еще с кем-то, сообщил ли другим о своем внезапном появлении, давал ли какие-нибудь двусмысленные показания. Итак, он все же поехал.

В гостинице сомнительной репутации, на-

зывавшейся отель «Симоне», не было никакого портъе, не было даже гнусной консьержки. Очень хорошо. Он поднялся по скрипучим деревянным ступеням и остановился перед дверью, на которой белым мелом была нарисована семерка. Указательным пальцем он провел вдоль деревянной планки. Кончик пальца окрасился в черный цвет.

«Маленький, жалкий бездарь!» – подумал он и решительно постучал в дверь.

– Входи, Курт!

Он отворил дверь. Она отвратительно скрипнула.

– Бернд, дружище! Боже мой, ты! Я же знал...

Он остановился на пороге двери.

– Почему же ты сидишь в темноте?

– Войди и закрой дверь!

Курт Шниртц нехотя виновался. Приказной тон раздражал его.

– Подойди ближе!

Он, нащупав выключатель, щелкнул им. Было по-прежнему темно. Он повернулся. Внезапно ослепительно яркий свет ударил ему в глаза. Он, инстинктивно съежившись, ждал взрыва, ждал, что сейчас обрушатся стены, ждал шипения пламени, выстрелов и криков. Было по-прежнему тихо.

– Что это значит? – спросил он хрипло.

Все, что он мог различить за пучком света, были тени. Однако мужчину, сидевшего в темноте в углу комнаты, он ощущал физически.

– Недвижимость – Шниртц – Консультация бесплатно – Заходите же. Я заставил тебя долго ждать, Курт...

Курт Шниртц затаил дыхание. Голос – своеобразный акцент, странная интонация. Похоже на русский.

– Ты хочешь со мной поговорить, Бернд?

– Как хорошо видеть тебя с близкого расстояния. Мое предположение, что маленькая разведгруппа привлечет тебя, оказалось верным.

– Господи, ты напугал меня до полусмерти!

– Трусость перед врагом, Курт?

Курт Шниртц прислушался. Он начал догадываться, что попал в ловушку. Это вовсе не было шуткой.

– По какому делу ты хочешь со мной поговорить?

— Да все то же самое.

— То же самое?

— Да, Куртхен.

— Значит, получается: с глаза на два...

Он сделал шаг в сторону, хотел выйти из этого ужасно яркого света.

— Стоять!

Курт Шниртц повиновался.

* * *

— Фенляйнфюрер Шниртц! Лейтенант Шниртц!

Странный голос. Произношение похоже на русское, и все-таки другое.

— Ты изменился. Постарел, полысел, располнел, не надеваешь больше коричневую рубашку и повязку со свастикой, не носишь больше железный крест фюрера. Но глаза у тебя остались те же самые, какие были в школе и в Алексеевке. Тебя узнаешь сразу, «Недвижимость — Шниртц».

— Как ты меня нашел?

— Крупная рыба на мелководье не водится, Курт. Ты здесь на виду.

— Ты наблюдал за мной у моего офиса?

— Я копнул глубже, копнул всего лишь немного глубже...

Капли пота заструились по лбу Курта Шниртца.

— Почему ты не зашел ко мне? Ты был также у моего дома?

— Я хотел поговорить с тобой здесь.

— Посреди ночи?

— Место и время согласованы, Курт.

— Согласованы? Что ты хочешь этим сказать?

Он шурился от яркого света, прикидывая, как бы сбежать отсюда.

— Подойди ближе! Но двигайся медленно!

Курт Шниртц подался вперед.

— Бернд, давай поговорим друг с другом толком. Если тебе нужны деньги или ты нуждаешься в помощи — мы можем обо всем договориться. Ну выключи этот свет, пожалуйста, выключи этот ужасный свет!

— Ни с места!

Он остановился.

— Ради бога, что это значит? Чего ты от меня хочешь?

— Да все того же, Куртхен. У меня ничего не изменилось за сорок с лишним лет, ничего...

Курт Шниртц услышал глухой звук. Этот звук был ему знаком, ему довелось слышать его довольно часто.

* * *

— Бернд... — Он сообразил, что ему надо действовать дипломатически. — Если бы ты знал, что я выстрадал. Ты заставил меня полжизни думать, что ты...

Он запнулся.

— Говори дальше!

— Боже мой, мы разыскивали тебя. Сразу же после этого. Мы навели справки. Во время войны и после войны. И еще в течение долгих лет после войны. А ты — ты не подавал никаких признаков жизни...

— Обстоятельства, Курт.

— Что за обстоятельства?

— Они сложились неудачно.

— Ты был в плену?

— Нет, в госпитале, больше года.

Голос не звучал недружелюбно. Но Курт Шниртц наряду со странным акцентом уловил некий оттенок. И он отчетливо расслышал этот звук, означавший не что иное, как снятие с предохранителя пистолета.

— Ты мог бы нам намекнуть, — сказал он осторожно, — что ты жив... Где ты был все эти годы, после госпиталя, после войны?

— Дома.

— Дома? Где же? Где ты живешь? Откуда ты сейчас приехал?

— Я приехал из Алексеевки.

— Но как же так? — Он смочил языком пересохшие губы. — Почему только сейчас?

— Обстоятельства, Курт, я ведь уже сказал.

Они сложились неудачно.

— Тебя не пустили?

— Я остался добровольно, после госпиталя.

— Остался добровольно? Ты перебежал к русским?

— Ты все еще не понимаешь. Я остался добровольно, в силу сложившихся обстоятельств.

Курт Шниртц провел тыльной стороной ладони по лбу и глазам.

— Но сейчас ты здесь, Бернд. У нас. Теперь ты можешь устроить свою жизнь, как ты хочешь.

— Конечно. Поэтому я здесь.

Куртом Шниртцем завладела одна-единственная мысль. Причинявший боль его глазам яркий пучок света, которому он, безоружный, был принесен в жертву, имитирует, стало быть, луну, то есть большой фонарь над Алексеевкой. Это было ясно до ужаса: он имел дело с больным, с сумасшедшим. Больные непредсказуемы, сумасшедшие опасны.

* * *

— Бернд, — сказал он осторожно, — что было, то было. Прошло и забыто. Мы на Западе осудили фашизм, прокляли Гитлера, наше прошлое ... Он запнулся.

— Почему не говоришь дальше?

— Боже мой, я ведь никогда серьезно политикой не интересовался. Ни тогда, ни после и ни сегодня. Тогда я должен был вступить в партию в принудительном порядке. Это было как эпидемия, понимаешь?

Слова, подумал он, всего лишь слова. Можно ли пустыми словами убедить сумасшедшего?

— Бернд, — произнес он с мольбой в голосе, — если ты все еще имеешь в виду это школьное дело и дело в Алексеевке — прости меня! Я все время очень горько укорял себя...

— Ну, говори дальше!

— Боже мой, у меня же в этом проклятом степном гнезде не было никакого другого выбора. Ты оскорблял фюрера, Бернд. По уставу я тебя даже бы...

— Было бы лучше, если бы ты это сделал.

В угловой нише засветилась настольная лампа. Курт Шниртц увидел человека в солнцезащитных очках. И человек, и очки расплывались у него в глазах. А потом он увидел пистолет. Его он видел очень отчетливо.

— Нет! — вскрикнул он.

Бернд Зоммер поставил средний палец на курок. Курок был на ощупь прохладным. Стреляя в стоявшего перед ним мужчину, в ярком свете похожего на полотняный муляж,

на фигурную мишень, он уж ни за что не промахнется.

* * *

Круг замкнулся. Наконец-то. Хорошо, что врач в Алексеевке был честным.

— Вы можете мне сказать правду, доктор. Дело идет к концу?

— Да.

— Когда? Я должен это знать. Я хотел бы еще раз туда...

— Вы ни разу не были там после?

— Ни разу. Я все откладывал.

— Тогда поспешите.

* * *

— Нет! Ты не смеешь сделать этого! Бернд! Ты не можешь обидеть Лизу!

Бернд Зоммер ощутил резкий удар в области сердца. Когда он снова смог глубоко дышать и боль утихла, он понял свое заблуждение.

Мужчина, ползавший по полу, подползавший к нему, бормотавший какие-то слова, этот мужчина внезапно показался чужим ему. Точно так же, как все в этой стране и в этом городе было для него чужим. Чужим, хотя и неизменившимся. Страна, город, люди, человек на полу — все. Все носило новые кожи. Они полиняли, не изменившись в корне.

Курт Шниртц, которого он знал, от которого в памяти своей он так и не убежал навсегда, который всегда мешал его желанию быть другим — он еще был и его больше не было. По сути, он еще был, но здесь в комнате Бернд Зоммер имел дело с притворщиком. Если уж на то пошло, он выстрелил бы и в маску, пробив пулей насквозь все личины до самого нутра. Но тут было еще нечто, чего он не учел. Лиза.

Боль в груди повторилась. Он понял, что допустил ошибку. Ему надо было бы приехать раньше. Сразу после окончания войны стоило бы приехать ему. Вопреки обстоятельствам. Но тогда была Лиза. И эта Лиза все еще была.

Ненависть, удерживавшая его в жизни, превратилась в отвращение. Отвращение к человеку, который обхватил его за ноги и умо-

лял, и хныкал, пахнул потом и испражнениями. Но еще больше он испытывал сейчас отвращение к самому себе, к своему злейшему врагу, к Бернду Зоммеру.

— Вставай! — сказал он устало.

Яркий свет погас. Курт Шниртц убрал руки с лица.

— Лиза ждала тебя, — прошептал он, — она все еще тебя ждет, Бернд, она носит твои письма... Ты можешь взять ее себе, Бернд, ты можешь взять Лизу себе...

— Вставай и уходи!

Курт Шниртц поднялся с полу.

— Или ... ты хочешь денег?

— Уходи!

Бернд Зоммер снял солнцезащитные очки. Он положил их на стол рядом с пистолетом. Решено было окончательно и бесповоротно.

Курт Шниртц уставился на мужчину в углу комнаты. Он смотрел ему в лицо, он хотел посмотреть ему в глаза.

— Бернд Зоммер? — прошептал он и начал задыхаться.

— Бернд Зоммер мертв, — сказал мужчина. — Я Алексей Лето.

* * *

Курт Шниртц удирал. Так же, как тогда в Алексеевке, когда на них катились русские танки и он вынужден был спасать свою жизнь бегством. Он, один из немногих оставшихся в живых, бежал, как и тогда. Выскочив из комнаты, промчавшись по коридору, он, прыгая и отступаясь, сбежал вниз по лестнице.

Уже оказавшись внизу в коридоре, он услышал выстрел. Он рефлекторно схватился за грудь. На сей раз не было никакой галлюцинации. Это в самом деле был выстрел. Всего лишь один.

С трудом переводя дыхание, он бежал дальше, пронесся вдоль стен дома, хрипло дыша, через задние дворы, запыхавшись.

На соседней улице он остановился. Вдохнул прохладный ночной воздух полной грудью. Это успокоило его. Он вытащил из багажника своего автомобиля одеяло и расстелил его на

водительском сиденье. Потом сел в машину. Обстоятельства — они сложились удачно. Никто не видел, как он вошел в отель и как покинул его. Ни портье, ни консьержка. Дорогой ему не встретился ни один прохожий. Хорошо, что додумался поставить машину на соседней улице. Неплохая по предусмотрительности мысль от «Недвижимости — Шниртца».

Он подъехал к ночному ресторану. Первым делом прошел в туалет, сбросил брюки и начал чиститься. Он не мог не улыбнуться, подумав о том, что однажды он уже проводил на себе подобную акцию чистки. Тогда ему понадобилось сбросить с себя коричневую рубашку — на сей раз это оказались трусы. Он с облегчением рассмеялся. Почистившись, он покинул туалет.

— Официант, двойные виски!

— С содой или чистые, герр?

— Чистые.

Обстоятельства сложились удачно. Никому и в голову не придет, что мертвый русский в седьмом номере гостиницы сомнительной репутации «Симоне» был некто Бернд Зоммер. Никто не опознает в мертвом того, кем он был прежде, никто из уголовной полиции не узнает, что «Лето» в переводе с русского означает Зоммер. А если. Благодаря все еще хорошо функционирующему железному занавесу информация о таком пустяке, как этот, наверняка туда не просочится.

— Официант, еще двойные!

— Сию минуту, герр!

Также со стороны его секретарши, пикантной Вульпиус с соблазнительным затылком и толстым задом, ему не угрожает никакая опасность. Об этом он позаботится. На свой лад, испытанным шниртцевским способом. Хорошая репутация, которую он здесь имел, не пострадает. Даже в том случае, если Бернд Зоммер, он же Алексей Лето, дал знать о себе кому-нибудь еще. Лизе? Хотя бы и так. Ему будет нетрудно скомпрометировать Лизу как алкоголичку.

Да, с Лизой ему нужно развестись. Окончательно. Развод. Это было абсурдно, это было так же абсурдно, как и правдиво: женитьба на ней имела все же нечто хорошее. Спасаящее жизнь.

— Официант, еще раз то же самое!

— Сию минуту, герр!

Несмотря ни на что. Развод. Развод, который обойдется ему недорого. Тогда он сможет наконец забыть, все забыть.

Это моя сила, засмеялся он. Оставить прошлое тем, чем оно есть: прошедшим. Следы, которые могли бы вести в прошлое, основательно замести, это сила «Недвижимости — Шниртца».

— Официант, угощение всем присутствующим за мой счет!

— С удовольствием, герр!

Единственный след, который я оставил после себя, смеялся он, след в комнате, в коридоре, на лестнице — также он останется тем, чем он есть: переваренным в желудке. На сей раз мне это тоже удастся сделать. Я забуду это. Мертвый в самом деле умер только лишь когда его забыли.

— За Ваше здоровье, герр!

— На здоровье, все мои дорогие друзья!

И это я тоже переварю, смеялся он, я забуду это.

Большую черную полость над его скулой. Разговор с Алексеем Лето — этот разговор с глазу на два.

На черном небе мерцало полярное сияние. Четверо из пятерых мужчин, державших на нартах с оленьей упряжкой путь в Инари и вынужденных сделать привал из-за выбившихся из сил животных, сидели вокруг костра в пустынном пространстве финской тундры. Пятый лежал в нарте под шкурами. И как-то не бывает иначе, чтобы в кругу греющихся у костра посреди бесконечной снежной дали не думалось и не говорилось о любви и смерти.

Ларс рассказывал историю про молодого Хейкки из Инари. Когда Хейкки узнал, что его невеста погибла в аварии, он известил об этом своих братьев, и они вместе проехали на нартах сорок километров от Инари до Ивало. В Ивало Хейкки напился, потом взял напрокат автомобиль и на повороте на Уконярви понесся прямо на каменную глыбу, на которой еще виднелась прилипшая к ней кровь его невесты.

— Он хотел последовать за ней, — закончил рассказ Ларс, — и — черт побери — это я назову верностью!

— Я назову это глупостью! — сказал Пер.

— Потому что ты чурбан! — произнес Пааво, самый старший из мужчин.

— Напиться допьяна, — продолжал Пер, — куда ни шло! Но потом на машине по ледяной трассе на Уконьярви...

— Чурбан ты! — воскликнул взволнованно Пааво. — Чурбан неуразумеющий!

— Известно ли вам, — начал Матти, утихомиривая спорящих, — что также животные могут быть верными до самой смерти? Серые гуси, например. Я наблюдал двоих на Свететиярви. Они появлялись вместе весной, когда таял лед, а осенью, когда озеро замерзло, опять улетали со стаей. Так это повторялось у них из года в год. Пока прошлой осенью гусыня не поранила себе маховое перо. И что сделал гусак? Он забыл о своем инстинкте перелета и не улетел со стаей. Он замерз рядом со своей спутницей в снегу и во льду — из верности.

— Еще один глупый гусак! — усмехнулся Пер.

— Какой же ты бесчувственный чурбан! — выкрикнул Пааво.

Ларс сказал спокойно:

— Я не верю, Матти, что животные, подобно людям, могут жить прошлым и планировать будущее — в том числе и твои умные серые гуси. Они живут мгновением и поэтому не знают никакой смертельной тоски!

— Не скажи, Ларс, — взял слово Пааво. — Хотя у животных не существует понятия смерти, как это есть у нас, однако они тоже страдают и печалются. Да, они вполне могут умереть от печали, тем или иным образом...

Пер ухмыльнулся, а Пааво начал рассказывать:

— Как вы знаете, я часто езжу на юг Финляндии. Там на всех шоссе-ных дорогах торчат серые вороны, пожалуй, умнейшие представители нашего мира птиц. Парами или небольшими группами высматривают они добычу, обильно поставляемую им также автомашинами, в виде попавших под их колеса кроликов и других животных.

Хотя можно было бы предположить, что это чревато опасностями, тем не менее серые вороны ведут там на дорогах вполне нормальную жизнь. Так я видел птенцов с разинутыми клювами, перед ними сидели кормящие их

взрослые птицы, а автомашины пронеслись мимо них с таким ветром, что пух у птиц взвевывался.

Иные вороны сидят также посреди проезжей части дороги, где они, не сходя с места, давясь, склевывают свою добычу. Они не только научились отличать безобидность проезжающих мимо них автомашин от опасности тех, что на них наезжают, но могут также оценить степень опасности. Так что они остаются сидеть на дороге дольше в случае приближения к ним медлительных грузовиков, нежели при приближении быстрых легковых автомобилей.

Я видел сотни их, нагло усаживающихся на накрытый стол, но всегда спасающихся от опасности благодаря столь умному поведению. Лишь совсем немногих видел я, вероятно, неопытных или больных, вовремя не взлетающих.

И вот однажды после обеда я опять проезжал Карелию. Серые, искривленные ивы окаймляли дорогу. Над лесом висели тяжелые дождевые тучи, первые капли дождя разбивались о ветровое стекло. Серые вороны куда-то скрылись с дороги.

Из-за плохой видимости я держался на несколько большем, чем обычно, расстоянии от впереди идущего автомобиля. Его тормозные фонари вспыхнули раз-другой, и я увидел вспорхнувшую птицу. Птица описала небольшой полукруг над движущимся впереди меня автомобилем, потом она снова приземлилась на дорогу. Это была серая ворона.

«Да она должно быть голодная! — подумал я. — В такую погоду...»

На том месте, где опустилась ворона и к которому я теперь медленно подъезжал, лежало что-то темное. Но то был не раздавленный машиной кролик, как я сперва предположил, а еще одна серая ворона. Первая ворона заметила мой автомобиль и вспорхнула. Когда я проезжал мимо безжизненно лежавшей на дороге птицы, ее крылья шевельнулись от потока воздуха.

Не знаю, почему я остановился — наверное, из любопытства. На асфальте, слегка блестящем от влаги, серая ворона, как на ходулях и словно подталкивая себя к каждому шагу головой, маршировала вокруг мертвой птицы. Иногда ворона на несколько метров отходила

от той, что лежала — тогда она, оглянувшись назад, стояла, не шевелясь, будто чужая что-то неладное. К тому же она каркала глухо и хрипло. Она должна была, вероятно, видеть то, что произошло — всего лишь несколько минут назад — с ее напарником, и она вспоминала теперь, когда его крылья шевельнулись от потока воздуха, о том времени, когда ее спутник еще летал рядом с нею.

Ларс, если ты думаешь, что у животных не может быть осознанных воспоминаний, а ты, Пер, утверждаешь, что они не могут испытывать любви и печали, тогда я спрошу вас: откуда взялась у этой птицы потребность вести себя не так, как обычно, и вопреки своему инстинкту? Оставаться под дождем рядом с безжизненным сородичем и призывать его подняться?..

Приближалась собравшаяся над лесом черная туча. Рваные края ее свисали вниз ключьями, похожими на огромные руки. Время от времени по ивам проносился порывистый ветер.

Тут вдруг позади дождевой завесы вынырнули два сигнальных огня. Вращением ручки я опустил боковое стекло; ощущая, как капает дождь по лицу, и пребывая в расположении духа, смешанном из любопытства, нетерпеливого ожидания и неловкости, глядел на приближающийся автомобиль.

Воздушная волна приподняла мертвую ворону над асфальтом — это опять выглядело так, будто бы она забила крыльями, и автомобиль со свистом промчался мимо меня. Другая ворона парила в воздухе, она расслабила лапки под брюшком и, подобно осеннему листу, несомому ветром, плавно опустилась на дорогу.

Дождь неистово хлестал по ней. Посреди черной тучи сверкнула молния, глухо громыхнул гром. А ворона, вышагивая как на ходулях, приблизилась к своему напарнику, вытянула голову вперед и провела клювом по его шее. Потом она потерела его испачканные перья, да, она схватила его за клюв, будто хотела поднять его или таким энергичным образом заставить его подняться, так как от всех прежних попыток не было никакого проку. Она начала вызывать во мне жалость своей заботой, которая по существу была напрасной и потому действовала удручающе.

Пролетело несколько минут. Я не уезжал. Прошло полчаса. Каждый раз, когда раздавался шум, создаваемый крышками, со свистом рассекающими воздух, я чувствовал волнение; и испытывал облегчение, когда шорох замирал, как голос разочарования.

Следует ли мне согнать птицу с дороги? — спрашивал я себя. Следует ли мне поднять ее мертвого спутника и положить его под ивы?

Я не сделал ничего. Я остался сидеть в машине и ждал. Чего? Я был исполнен чувства, какое бывает в цирке при виде балансирующего высоко вверху на канате артиста; особенное, жуткое чувство напряженности момента.

Наконец ворона перестала призывать напарника подняться. Наклонив голову к маленькому, жалкому круглому комочку, стояла она в прощальном карауле. При этом она слегка покачивала туда-сюда головой, как будто прислушивалась к чему-то, чего еще здесь не было, о чем она однако знала, что это с минуты на минуту тут будет.

Дождь, не прекращаясь, барабанил по ней, а молнии окунали дорогу в таинственный свет, тогда как гром глухо рокотал из стороны в сторону.

Когда я вспоминаю о том, что произошло дальше, мне это по сей день кажется невероятным. Но нет никакого сомнения, что все это было так, как я видел.

Выйдя из машины и направившись к вороне, вижу перед собой ленту асфальта, обрамленную плакучими ивами с тяжелыми от дождя, свисающими до земли ветвями. Чувствую вкус стекающей с моих волос воды. Ворона — она сидит на слабо поблескивающем асфальте рядом со своим напарником, втянув в себя голову и нахохлившись.

Спит она? — подумал я.

Вижу две светящиеся точки, вынырнувшие вдали. Они словно пожирают завесу дождя, медленно, очень медленно перерастают в ярко светящиеся шары. Я ускоряю шаг.

В это время небо раскалывается на части со страшным грохотом. Невольно я весь сжимаюсь, пригнувшись к земле. Когда сухой треск умолкает, я поднимаю голову. Сверкает молния, и дорога снова ныряет в ослепительно-

белый свет, тяжелый грузовик проезжает мимо меня, я слышу громыхание колес...

Пааво умолк, снял очки.

— И? — вырвалось одновременно у Ларса и Матти.

Пааво начал не спеша протирать запотевшие очки.

— Что было дальше? — спросили Ларс и Матти.

— Ничего не было, — сказал Пер и ухмыльнулся. — Не так ли, Пааво?

Пааво подышал на стекла очков.

— Она не взлетела...

— Черт побери! — воскликнул Ларс. — Ведь она могла бы взлететь перед грузовиком!

Пааво пожал плечами.

— Она даже не отскочила в сторону.

— Ей не хотелось жить, — высказал свое мнение Матти. — Она последовала за своим спутником, точно так же, как гусак на Севеттиярви — из верности.

Пер сказал:

— Точно так же, как это хотел сделать оболтус на Уконярви, — ты это имеешь в виду, Матти?

— Пер, ты чурбан! — произнес Пааво.

— Из верности? — усмехнулся Пер. — Я считаю это глупостью!

— Ты — чурбан, им и останешься! — взволнованно выкрикнул Пааво.

— Хейкки должен радоваться, что его вовремя нашли на Уконярви... — Пер выплюнул жевательный табак. — А твоя печальная ворона,

Пааво, ведь на самом деле она осталась сидеть, потому что была больна и не могла больше летать? К тому же ее мертвый спутник, вероятнее всего, расплющенный кролик — разве это не так, Пааво?

— Ничего ты не понимаешь! Впрочем, ты всегда был такой!

Пер встал. Уже на ходу сказал Ларсу и Матти:

— Он всегда был хорошим выдумщиком, наш большой Пааво...

— Ты бесчувственный чурбан! — крикнул вслед ему Пааво. — Ничего ты не уразумеешь, совсем ничего!

Костер погас. Остальные трое тоже встали и направились к нартам. Олени снова были полны сил.

Они двинулись дальше по пустынному пространству тундры, и Пер опять услышал стоны. Он схватил бутылку брантвейна и, протянув ее назад, затолкал под шкуру.

— Возьми! Ну, бери же! Пей! И успокойся, Хейкки, успокойся...

На черном небе мерцало полярное сияние. Олени хорошо отдохнули. Пятеро братьев быстро продвигались вперед. До врача в Инари оставалось всего лишь несколько часов.

□

Ульрих ШТРИЕВСКИ

родился в 1940 году.

Живет в Северной Германии, городе Пайне.

Публиковался в газетах, антологиях.

Лауреат нескольких литературных премий Германии.

Пишет рассказы, путевые заметки, сказки, романы.

Выпустил две книги рассказов.

Татьяна ДАНЕНКОВА

родилась в Петрозаводске.

В 2009 году перевод рассказа немецкого автора

У. Штриевски «Печальная серая ворона» отмечен

дипломом литературного

конкурса «Человек и природа», проводимого

гамбургским литературным объединением «Источник».

Живет в городе Пайне (Германия).

